

Андрю Делбанко

КОЛЛЕДЖИ: ВЫМИРАЮЩИЙ ВИД?¹

(Рецензия на книги: Оуэн Джон. Иейль 1995–2005. Yale University Press, 2005; Джеймс Дадерштадт и Фаррис Вомак «Будущее государственных университетов в Америке: на перепутье?». Princeton University Press, 2005; Дэйвид Кирп «Маркетинг высшего образования?». Harvard University Press, 2005.)

Любая американская семья, принадлежащая к среднему классу и имеющая детей-старшеклассников, знает, как это все бывает. Сначала проходит собрание, на котором советник по работе в старших классах зачитывает список «достижений» и «слабых мест» учащихся, потом пойдут счета за подготовительные курсы («Но па, сейчас все на них ходят — без них мне просто хана»), варианты вступительных эссе, в которых ваш ребенок пытается выдержать верный тон между самоуничижением и саморекламой — и наконец решающий день, тоненький конвертик в почтовом ящике, который означает, что все кончено и что ваша семья коллективно провалилась.

Борьба за место в ведущих американских колледжах — это, конечно же, темная сторона яркого исторического явления. Еще 50 лет назад наиболее престижные академические заведения принадлежали исключительно мальчикам из хороших семей, прошедшим подготовительные школы. В написанном в 1912 году популярном романе Оуэна Джонсона «Стовер в Йеле» жизнь в элитных колледжах описывается как бесконечный гладиаторский бой сильных самцов, которые, «убивая» соперников, чтобы получить место в ко-

¹ Andrew Delbanco, Colleges: An Endangered Species? New York Review of Books, Vol.52, Number 4, March 10, 2005. Пер. с англ. О. Фадиной.

манде или в клубе, учатся «одерживать победу... на разбитых надеждах своих товарищей» и становятся затем во главе нации. В 1920 году Скотт Фицджеральд (окончивший в 1917 году Принстон) назвал этот роман «учебником жизни» своего поколения. Несколько лет спустя, описывая жизнь в Гарварде, Джордж Веллер в романе «Не ради еды, не ради любви» писал, что все лица на выпускных фото были одинаковыми, кроме ирландских и еврейских лиц, но даже и они были несколько «англосаксонизированы» на общий манер?. В романе Веллера некий гарвардский чиновник успешно делает бизнес на том, что продает адреса принятых на обучение студентов англосаксонских кровей матерям бостонских «барышень-дебютанток», чтобы какой-нибудь ирландец или еврей не притворился англосаксом и, воспользовавшись неискушенной красотой из Бикон Хилл, не испортил породу. Как минимум до начала второй мировой войны этот сюжет был весьма реален.

В начале 20-го века, когда Стовер готовился в Йель, менее четверти миллиона американцев — или 2% населения в возрасте от восемнадцати до двадцати четырех лет — учились в колледжах. К концу второй мировой войны эта цифра превысила два миллиона. В 1975 году уже почти 10 миллионов молодых людей — то есть примерно треть от их общего числа — были студентами колледжа. Сегодня США занимают первое место в мире по числу выпускников колледжей на душу населения (27 миллионов или 79%)¹.

Для осуществления этих мощных социальных трансформаций потребовалось сделать многое — например, провести через Конгресс в 1944 году закон GI, благодаря которому в американских кампусах появились студенты, чьи родители прежде могли бы присутствовать здесь только в качестве дворников. Уже через 10 лет в институтах «лиги плюща»² были введены «прием, независимый от материального положения» и «финансовая помощь для нуждающихся». Это означало, что теперь в эти колледжи будут приниматься талантливые студенты независимо от их материального положения, а после оценки платежеспособности их семей, тем из них, кто не может позволить себе расходов на обучение, будет оказана материальная помощь в форме стипендии. Новая система единых тестов (SAT) позволяла выявить талантливых студентов, многим из которых предоставлялись субсидии из федеральных программ, предназначенных для подготовки ученых и стратегов для борьбы с коммунизмом. Именно в годы холодной войны исчезли «старички»³ с их акцентом Руди Вэллей⁴ (Йель образца 1927 года) и понятие «джентельменский клуб» стало анахронизмом.

¹ Henry Rosovsky, *The University: An Owners Manual* (Norton, 1990. P. 12); Richard Vedder. *Going Broke by Degree: Why College Costs Too Much* (American Enterprise Institute, 2004. P. 111.)

² В «лигу плюща» входят 8 старейших и наиболее престижных университетов восточного побережья: Браун, Колумбия, Корнелл, Дартмут, Гарвард, Принстон, Пенсильвания, Йель. — Прим. пер.

³ Так обращались друг к другу выпускники элитных вузов. — Прим. пер.

⁴ Rudy Vallee (1901–1986) — эстрадный певец, фактически первый шансонье в США. — Прим. ред.

Не меньших успехов достигли и государственные университеты. К 1960 году университет штата Калифорния в Беркли по уровню престижности и результативности не уступал Гарварду. Университеты-«флагманы» таких штатов, как Мичиган, Огайо, Висконсин, а позднее — Техас и Северная Каролина, пополнили ряды лучших университетов мира. К концу 60-х годов, во многом под давлением общественности, Йель и другие частные университеты открыли свои двери для женщин и началась волна привлечений студентов из «недопредставленных» (используя сегодняшний бюрократический язык) миноритарных групп. Короче говоря, к концу XX-го века Америка, о которой 150 лет назад Токвиль писал как о стране «где начальное образование доступно всем», но высшее — «недоступно практически никому», стала совсем другой¹.

Эту счастливую сказку знают все. Менее известны ее последние главы, в которых говорится о замедлении — чтобы не сказать, прекращении — движения в сторону открытости. В течение последних 25 лет, с тех пор как налоговые бунты (первый из них произошел в 1978 году) перешли в стадию хронического сопротивления налогам, государственная поддержка государственных университетов резко сократилась. Их содержание теперь финансируется из государственных фондов только на одну треть. Следовательно, обучение там стало недоступно для семей, которые раньше могли рассчитывать на эти вузы как на средство продвижения по социальной лестнице.² Стоимость обучения в университете штата Нью-Йорк поднялась в 2003/2004 учебном году на 28% по сравнению с предшествующим годом. Она составляет сейчас более 14 тыс. долларов (включая стоимость общежития и другие выплаты). Так же вздорожало и обучение в других штатах.

В среднем стоимость обучения в государственных университетах возросла на 10,5%, в четыре раза обогнав темпы инфляции. Естественно, этой ситуацией не замедлили воспользоваться частные университеты, которые рыскали по государственным вузам, переманивая из них лучших специалистов, так как могли им предложить лучшую оплату труда и условия для работы. Бывший президент Мичиганского университета Джеймс Дадерштадт в работе «Будущее государственных университетов в Америке: на перепутье» пишет, что частные университеты сегодня по сути получают значительные государственные субсидии, но эти субсидии, в отличие от прямых бюджетных отчислений, на которые существуют государственные университеты, не видны широкой общественности. «Если инвестиционная корпорация, созданная несколькими частными университетами для управления их фондами, получает прибыль от своих бизнес-операций, — пишет Дадерштадт, — то эта прибыль свободна от налога, то есть фактически недополученные с этих операций

¹ Alexis de Tocquille, Democracy in America. Libratry of Amercia , 2004. P. 58.

² James J.Duderstadt and Farris W.Womack, The Future of the Public University inAmerica: Beyond the Crossroads. P. 16.

налоговые выплаты должны быть покрыты деньгами других налогоплательщиков».

Дадерштадт именует эти университеты хищниками и предупреждает, что государственные университеты могут произнести магическое слово «налоговая политика» и «поставить вопрос о разумности той налоговой политики, которая принята сегодня и которая поддерживает богатство и безответственность и за счет налогоплательщиков, и за счет государственных учреждений». Словно в поддержку этого его заявления «Нью-Йорк Таймс» сообщила несколько месяцев назад, что вознаграждение, выплачивавшееся институциональными инвесторами управляющей компании, отпочковавшейся от Гарвард Менеджмент Кампани (некоммерческая организация, праспоряжающаяся 22-х миллионным фондом Гарварда) частично возвращалась Гарварду как прибыль, свободная от налогов.¹

В университетах «лиги плюща», в которых раньше финансовая помощь предоставлялась только тем, кому она была необходима, сегодня, для того чтобы привлечь желательных для университетов студентов, стипендии все чаще предлагаются и тем, кто может без них обойтись (это называется «поддержкой по результатам»). В результате для нуждающихся студентов денег остается все меньше. Абитуриенты записываются на программы раннего зачисления, которые предлагают (в обмен на обязательство пройти весь их курс в случае зачисления) привилегии при поступлении в университет. Эти программы, через которые сейчас проходит примерно каждый второй студент университетов «лиги плюща», особенно приветствуют кандидатов из частных загородных школ, с преподавателями, имеющими хорошие связи (некоторых их них даже нанимают для частного репетиторства); такие кандидаты обычно обладают достаточной финансовой свободой, чтобы выбирать себе колледж, не дожидаясь предложений о финансовой поддержке из других мест, чтобы сравнить условия, и колледжи это хорошо знают.²

¹ Stephanie Strom, «Harvard's Invisible Fund-Raising», The New York Times, July 25, 2004.

² Ronald C. Ehrenberg, Tuition Rising: Why College Costs So Much. Harvard University Press, 2000. P. 78–80. Здесь рассказывается, что после 1992 года, когда Министерство финансов США обязало университеты «лиги плюща» прекратить выплачивать финансовое вознаграждение студентам, принятым на учебу на общих основаниях, разразилась ценовая война, инфляционные последствия которой сказались и на стоимости обучения. Финансовая поддержка, предлагаемая студентам, рассматривающим несколько возможных вариантов для поступления, постоянно растет, в то время как студенты, имеющие меньше предложений, могут получать недостаточную поддержку — особенно в менее богатых школах.

О программах раннего зачисления см. The Early Admission Game, Joining the Elite (Harvard University Press, 2003). Основываясь на богатом статистическом материале (500 000 заявлений в 14 престижных колледжей) К.Авери, Э.Фэрбенкс, Р.Закхаузер подтверждают, что «программы раннего зачисления дают значительные преимущества при поступлении, сопоставимые со 100 дополнительными очками в тесте SAT-1». Несмотря на официальные заявления многих колледжей, студенты, поступающие по программам раннего зачисления, обычно бывают несколько слабее, чем те, которые поступают на общих основаниях. Авторы также отмечают, что поскольку студенты, поступающие по данной программе, не могут подавать заявления в другие учебные заведения, они не сравнивают финансовые предложения различных школ. Каждый из зачисленных по этой программе экономит колледжу деньги, но главное — с самого начала избавляет свой колледж от необходимости включаться в обсуждение финансовых вопросов.

В элитных учебных заведениях, как и во многих других привилегированных сферах американской жизни, деньги концентрируются в руках небольшой группы людей. Некогда скромные городки при колледжах стремительно выросли и развились, а старые маленькие кафе, о которых с любовью вспоминают бывшие студенты, превратились в рестораны, куда сегодняшние студенты ходят с кредитными карточками и на парковках которых они оставляют свои шикарные авто.

Историю элитного высшего образования последних лет обычно рассказывают как славную историю демократизации. Но будущие историки, оглядываясь назад, увидят нечто другое: сначала была эпоха, когда образование было доступно только богатым (1900–1950), за ней небольшой период, когда доступ к образованию был более демократичен (1950–1980), а затем последовал новый этап «образования за деньги» (1990-?). В американских колледжах по-прежнему готовят отличных студентов самого разного происхождения, но все чаще и чаще снова звучит застольная песня Стовера:

О, мама и папа оплатят счета,
А мы повеселимся,
Так мы живем в колледже,
Ура!!!¹

2

Однако, несмотря на все сказанное, все шире развивающаяся общественная дискуссия по вопросу о том, кто должен учиться в колледжах и как за это следует платить², дает основания для оптимизма. К сожалению, относительно мало внимания уделяется обсуждению вопросов, что именно следует изучать в колледжах тем, кто туда поступил, и зачем они вообще туда поступают. Как человек,

¹ По вопросу цены образования написано и пишется очень много. Консерваторы уверяют, что академические заведения сталкиваются с «проблемой продуктивности» — студентам обычно требуется больше времени, чем раньше, чтобы получить свою степень, но уровень образованности при этом не возрастает. (Vedder, *Going Broke by Degree*, p. 59) Либералы отвечают им, что — как выразился в своей работе *The Liberal Education and the Public Invest* (University of Iowa Press) бывший президент Дартмута Джеймс Фридман — «высшее образование стоит дорого, так как это интенсивный процесс, при котором стандартные способы снижения себестоимости, как то увеличение наполняемости учебных групп, сокращение числа профессоров, повышение индивидуальной нагрузки преподавателей, несвоевременная замена лабораторного оборудования, сокращение ассигнований на закупку книг для библиотек, плохой текущий ремонт сантехники — снижает престижность заведения». Два самых богатых университета, Гарвард и Принстон, недавно объявили о своем желании стать более доступными, заменив кредиты на образование на гранты (Принстон), и избавив от платы за учебу студентов с семейным доходом менее \$40 000 в год (Гарвард). Но Уильям Боуэн, бывший президент Принстона, а сейчас президент Фонда Эндрю У. Меллона, сомневается в том, что эти меры существенно повлияют на состав студентов. Боуэн утверждает, что только подход, предполагающий сознательное предоставление преимуществ студентам с плохим материальным положением, приведет к каким-то изменениям ситуации. (Боуэн говорит об этом в своей второй лекции памяти Джефферсона, произнесенной 7 апреля в университете Вирджинии. Текст этого выступления, которое озаглавлено: «Классовый (социально-экономический) статус в американском высшем образовании» размещен на сайте Фонда Меллона (www.mellon.org) Есть все основания считать, что Боуэн прав. В Гарварде, например, менее 15% студентов — выходцы из семей с доходом менее 60 000 долларов в год. (Harvard Crimson, 23.11.2003)

² Ehrenberg *Tuition Rising*. Эта книга несравненно менее полемична, чем Vedder, *Going Broke by Degree*. Полезно также ознакомиться с книгой Michael S-McPherson and Morton O.Shapiro, *The Student Aid Game or Meeting Need and Rewarding Talant in American Higher Education* (Princeton University Press, 1998).

преподающий в университетах уже почти четверть века (4 года в Гарварде и 19 лет в Колумбийском университете), я обнаружил, что вопрос о том, каким должно быть предуниверситетское образование — это почти табу.

Большинство американских колледжей перед Гражданской войной (к тому времени их было создано более пятисот, но после войны сохранилось менее ста) были, по словам Ричарда Хофstadтера «глубоко зависимыми маленькими учреждениями, с жестким подчинением, бедными... по сути это были не колледжи, но прославленные старшие отделения школ, или академии, которые якобы присуждали степени». Степень бакалавра не имела практической ценности на рынке труда, не позволяла попасть в еще сравнительно малочисленный класс управленцев. Духовный колледж обычно был отделением местной церкви — заведением для подготовки священников, миссионеров и вообще образованных христиан — и это возвращает нас к исходным задачам старейшего американского колледжа, Гарварда, который был создан, чтобы «церкви Новой Англии не остались без образованных священников — когда сегодняшние священники будут лежать во прахе».

Затем колледжи стали уже не так сильно привязаны к церквям, хотя во многих из них до середины 1980-х годов ощущалось сильное церковное влияние. Независимо от методик и убеждений, в век «моральной педагогики» существовал консенсус по вопросу о том, что колледжи должны прежде всего обеспечивать нравственное воспитание.¹ Курс этики в выпускном классе обычно преподавался директором колледжа и был почти универсален. Постепенно религиозная составляющая становилась менее значимой, теория Дарвина преобразила интеллектуальную жизнь. Колледжи принципиально изменились, в значительной мере превратившись в светские заведения, которые занимались уже не столько вопросам этики, сколько передачей практических знаний и разработками в этой области.

К середине 19-ого века остро встал вопрос о подготовке специалистов в области сельского хозяйства и промышленности; в 1862 году Конгресс принял Закон Моррилла, в соответствии с которым лояльным штатам выделялись федеральные земли (по 30 тыс. акров на каждого сенатора и конгрессмена) для создания там колледжей, «где преподавание велось бы с упором на предметы, связанные с сельским хозяйством и механикой, что не исключает изучения там научных и классических дисциплин». Постепенно эти колледжи, построенные на выделенных государством землях, переросли в государственные университеты.

В это же время кончилась эпоха самоучек, профессиональные карьеры потребовали степеней и дипломов, усилилась потребность в частных университетах. Некоторые из них формировались

¹ Donald H. Meyer, *The Instructed Conscience: The Shaping of the American National Ethic*. University of Pennsylvania Press, 1972. P. 68.

вокруг колониальных колледжей (Гарвардский, Йельский, Колумбийский), другие (университет Чикаго, университет Северо-запада) создавались на новом месте. А в такие университеты, как университет Кларка и Джона Хопкинса, сначала вообще принимали только людей, уже имеющих высшее образование. В 1895 году Эндрю Диксон Уайт, первый президент Корнелля, чей частный фонд пополнился за счет земель, переданных штату Нью-Йорк после принятия закона Моррилла, оглядываясь на прошлое, с удовольствием отказался от «старой системы надзора, в рамках которой, выбирая профессора математики, языка, риторики, физики или химии, ему следовало прежде всего задать вопрос о том, к какой секте или к какому крылу этой секты он принадлежит».

Идея важности практических и прогрессивных знаний, которую разделяли все университеты, конечно же, не была чем-то абсолютно новым. Еще в 18-ом веке ее выдвигал Бенжамен Франклин, который создал прообраз нового университета, впоследствии реализованный в Пенсильвании. Университет должен был «делать открытия... на благо человечества». Примерно сто лет спустя Чарльз Элиот, президент Гарварда, при котором тот превратился из колледжа в университет (и который сам происходил из пуританской церковной семьи), объяснял, что современный университет должен «хранить накопленные нацией знания», с тем чтобы «каждое последующее поколение могло с самого начала воспользоваться достижениями своих предшественников».

К концу 19-ого века профессионализовавшийся университет поглотил школы медицины и права, которые раньше были независимыми учреждениями, и постепенно присоединил к себе педагогические высшие школы, а также высшие школы инженерного дела, бизнеса, и т. д. Он постепенно превращался в цепочку не связанных между собой подразделений, которые Кларк Керр, президент Университета Калифорнии, окрестил знаменитым термином «мультиверситет». Когда в 1963 году Керр ввел этот термин в оборот в своей работе «Пользователи университетов», он отметил «жестокий парадокс», который заключался в том, что «чем более яркий профессорский состав собран на факультете, тем меньше внимания уделяется качеству преподавания». Он назвал эту проблему «одной из наиболее актуальных».

Со времен Керра проблема только усугубилась. Сегодня, как пишет Дэвид Кирп в своей работе «Шекспир, Эйнштейн и последняя черта», Нью-йоркский университет, который в последнее время усиленно (и безуспешно) рвется в ряды лучших учебных заведений, нанимает «низшее» преподавательское звено — почасовиков, которые не рассматриваются как кандидаты на штатную должность, но которые ведут до 70% всех учебных классов для студентов. Именно эти преподаватели, которым вызывающе мало платят, несут на себе основное бремя обучения студентов не только в Нью-йоркском университете, но и во многих других. Не говоря об их та-

лантах и преданности своему делу, этот факт в первую очередь указывает на степень ответственности университетов за свою педагогическую миссию. Именно тогда, когда борьба за право поступления в ведущие университеты достигла стадии «сумасшедшей напряженности» (используя удачное выражение Джеймса Феллоуза¹), учебный процесс в университетах отошел на второй план.

В этих условиях можно ожидать оттока студентов в колледжи, единственная задача которых — обучать. Лучшие колледжи, такие как Свартмор, Амхерст, Уиллиамс, обладающие хорошей материальной базой и высокими академическими стандартами, действительно обладают значительной притягательной силой. Но колледжи — маленькие и хрупкие заведения, и даже лучшие из них всегда вынуждены догонять в престижной игре, а другие, вполне достойные колледжи — такие как Центральный колледж в Кентукки или Хендрикс колледж в Арканзасе — вынуждены бороться изо всех сил за то, чтобы привлечь студентов из других частей страны.

Ведущие либеральные колледжи, специализирующиеся в области гуманитарных наук, безусловно, выживут, но и они относятся к вымирающему виду. Майкл Макферсон, президент фонда Спенсера и бывший президент Макальстер Колледжа, и Мортон Шапиро, президент Уиллиамс колледжа, пишут, что «даже сейчас все студенты национальных либеральных гуманитарных колледжей вместе взятые легко уместятся на одном большом футбольном стадионе — их всего 100 000 из 14 миллионов студентов».²

В сегодняшней системе образования лишь один из шести студентов колледжа соответствует традиционному представлению о студенте в возрасте от восемнадцати до двадцати четырех лет, живущем в кампусе и занимающемся исключительно учебой. Каждый третий американский студент работает полный рабочий день; примерно половина студентов проходит учебный курс по сокращенной программе, обычно делая упор на такие предметы, которые обеспечивают немедленное применение знаний (например, бухгалтерский учет и компьютерные программы). Эти студенты и их предполагаемые преемники становятся добычей так называемых электронных университетов, которые хотят иметь свою долю на рынке образовательных услуг и торгуют Интернет-курсами. Несколько лет назад президент педагогического колледжа в Колумбии предсказал, что скоро какой-нибудь ловкий предприниматель «наймет известных профессоров из наших самых престижных кампусов, а потом будет

¹ James Fallows. The Early-Decision Racket. The Atlantic Monthly, September 2001. P. 37.

² Либеральные колледжи со свободным выбором предметов обычно называют умеренно селективными; большинство их студентов (а пожалуй, почти все) живут в кампусе, и не менее 40% студентов специализируются на каком-то одном предмете. Этим критериям соответствует 230 колледжей в стране, и все они сталкиваются с большими финансовыми сложностями и не имеют достаточных средств для поддержания своих лабораторий и библиотек, для конкурентоспособной оплаты работы преподавателей и программ финансовой поддержки малообеспеченных студентов. См. McPherson and Schapiro. The Economic Challenges for Liberal Arts Colleges. Transaction, 2000. P. 47–75.

предлагать получить образование через Интернет... за меньшие, чем у нас, деньги».¹

Возвращаясь к тем относительно немногочисленным студентам, которые все еще учатся в традиционных либеральных гуманитарных колледжах — независимо от того, вошли ли эти колледжи в состав университетов или остались независимы... Что дает им их нынешний статус? Если ответить коротко: свободу выбора предметов и преподавателей, свободу определять свою жизнь в кампусе. Однако интеллектуальная, социальная и сексуальная свобода, которую сегодняшние студенты считают своим неотъемлемым правом, никогда не дается легко; за нее нужно бороться и в академических учреждениях, и везде. Но мало чести в том, чтобы незаслуженно пользоваться свободой привилегированного студента в эпоху, когда даже лучшие институты не могут дать никаких предписаний — за исключением, конечно же, «точных» наук, где требования по-прежнему строги. Можно заподозрить, что дело здесь не в признании прав студентов на свободу, но в своего рода трусости — колледжи боятся, что если они будут пытаться заставлять студентов прочесть хотя бы основные труды по политологии и этике, у них снизится число абитуриентов или упадут показатели успеваемости выпускников (один из статистических показателей, который учитывается в US News and World Report при определении престижности колледжа, за которой тщательно следит администрация). Да и профессура, за редким исключением, ни на чем не настаивает, так как и среди преподавателей нет консенсуса по вопросу, чему учить.

Историю высшего образования в Америке можно разделить на три этапа. В колониальный период, во время становления (или полу-становления) официальной религии, колледжи продвигали веру. В девятнадцатом веке они пытались сохранить свои основные черты в то время, как под охраной все более либерального и терпимого государства их становилось все больше. В двадцатом веке они стали почти неразличимы (разве что по уровню роскоши и престижности) и сами превратились в уменьшенную модель либерального государства — ничего не предписывая и все позволяя.²

¹ Arthur Levine. The Soul of a New University. The New York Times, March 13, 2000. На самом деле все уже произошло: между 2000 и 2003 годом Колумбийский университет, филиалом которого стал Педагогический колледж, инвестировал 40 млн на создание того, что ректор университета назвал «рынком высококачественных услуг дистанционного образования». Эта затея принесла ее организаторам 700 тыс. долларов дохода. Еще за сто лет до этих событий Торстон Веблен понял, что единственный товар, который университеты могут с успехом продавать, — это престижность заведения, и студент-потребитель получает этот престиж только находясь в кругу немногих избранных, входящих на территорию университета через старинные ворота, а не подключившись к электронному portalу в толпе всех тех, кто готов заплатить.

² Из этого общего правила есть важное исключение — институты, по-прежнему ориентированные на религию. Для того чтобы понять, каким образом университет, в данном случае школа права в католическом университете, может сохранить ощущение своей религиозной миссии, оставаясь открытой для студентов, принадлежащих ко всем религиям — или ни к одной из них — см. Mark Sargent, «An Alternative to the Sectarian Village: The Role of the Dean in an Inclusive Catholic Law School» в «University of Toledo Law Review», Fall, 2001, стр. 171–188. Сарджент — декан школы права Вилланова.

Всякий человек, родителям или дедам которого высшее образование было недоступно из-за расовых, этнических или гендерных ограничений, радуется тому направлению, по которому пошло развитие высшего образования — но у всякой медали есть и обратная сторона.